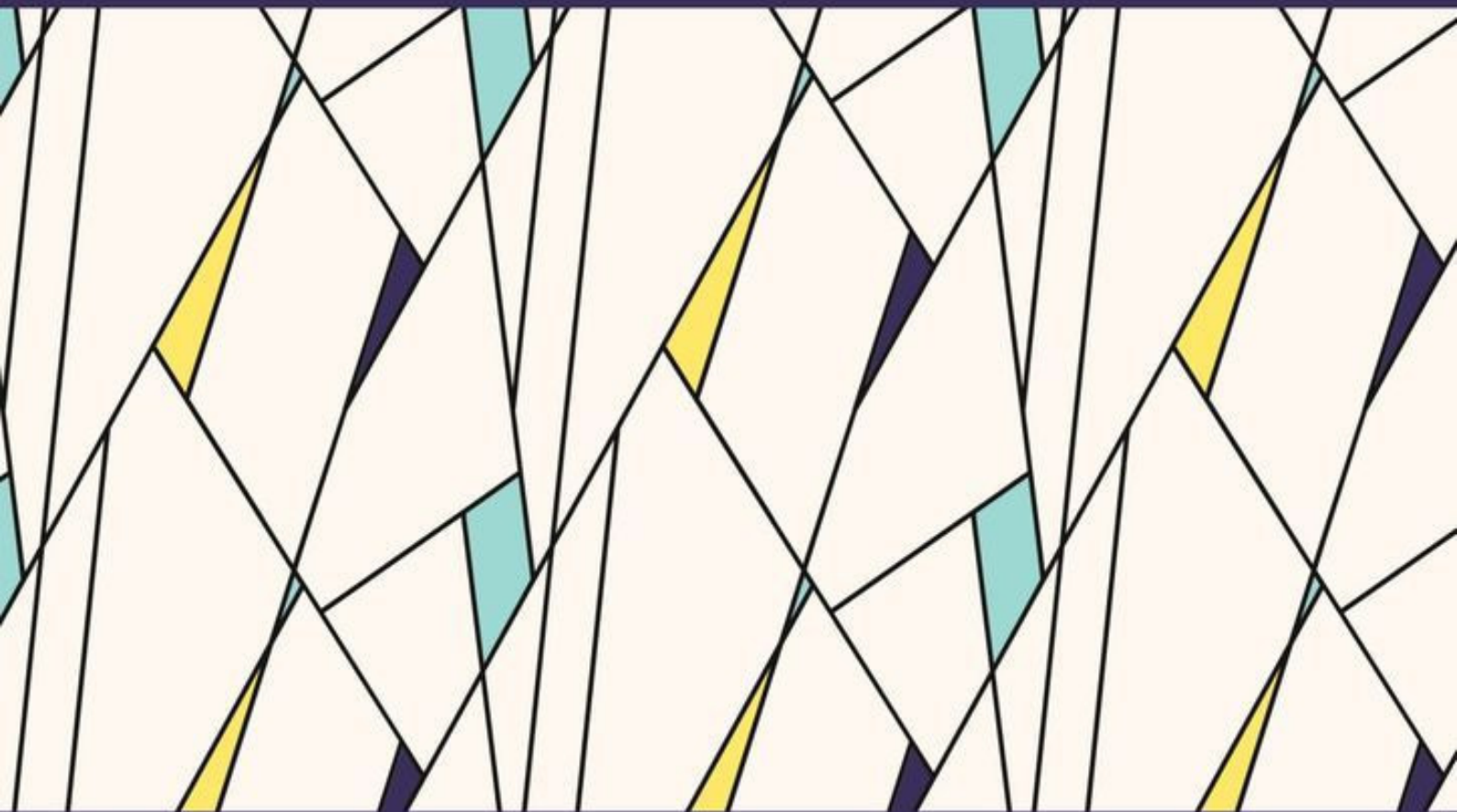

18+

Жанна Никольская

ЭТО РАЙ, ДЭННИ

Жанна Никольская

Это рай, Дэнни

«Издательские решения»

Никольская Ж.

Это рай, Дэнни / Ж. Никольская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644633-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Любовная драма с элементами детектива. Молодой
архитектор знакомится с привлекательной девушкой, не подозревая о темных
тайнах ее прошлого.

ISBN 978-5-00-644633-5

© Никольская Ж.
© Издательские решения

Содержание

Это рай, Дэнни...	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Это рай, Дэнни

Жанна Никольская

© Жанна Никольская, 2024

ISBN 978-5-0064-4633-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это рай, Дэнни...

«Роман имеет под собой реальную основу? Или, может, он как-то связан с обстоятельствами вашей собственной жизни?»

«Скорее, он связан с обстоятельствами моей жизни», сказал я.

«А вы можете о них рассказать?»

«Нет. Они не совсем ясны мне самому. И они чересчур личные».

Питер Страуб, «История с привидениями»

Часть первая

1.

Ведущий популярной телеигры, неискренне улыбаясь, преувеличенно бодрым тоном представил зрителям очередного туповатого претендента на получение недостижимого миллиона.

– А на выигранные деньги Дима мечтает посетить родину своих предков!

– Вот так. Матвей. Мечтать не вредно, верно?

Матвей (матерый котяра дымчатой расцветки) издал скептическое «Мя», определенно означающее согласие со словами хозяина.

Дэн сделал еще глоток пива и отставил бутылку на журнальный столик. Он, швед русского происхождения (или русский – шведского, что в принципе одно и то же) также не прочь был посетить родину своих предков (к слову, покинувших ее еще во времена правления Александра Второго), однако, такой возможности в данный момент, увы, не имел.

– Ну-ну, посмотрим, удастся ли этому герою отхватить хотя бы часть «лимона»...

В эту секунду, в полном соответствии с законом подлости, зазвонил телефон.

– Денис? – услышал Дэн знакомый до оскомины, немного капризный голосок.

Ирина. Желает знать о его планах на послезавтра.

– Послезавтра у меня встреча с заказчиком, – Денис (вообще-то правильнее – Дэннис, именно так изъявила желание назвать внука его бабка по отцовской линии) постарался изобразить сожаление. Один черт, Ирка обидится. Ирка не привыкла к отказам со стороны самцов. Даже таких породистых, как архитектор Дэннис Ларсен, швед русского происхождения (или русский шведского... неважно).

– А отменить эту встречу нельзя? – полюбопытствовала Ирина. Вероятно, таким же тоном ее светская мама разговаривает с Ириным папой, несмотря на высокое общественное положение в семье находящемся на положении подкаблучника.

– Увы, нельзя, – ответил Дэн. За кого она его принимает? За скучающего плейбоя? Архитектура – это его «хлеб». Именно благодаря тому, что он дни (а порой и часть ночей) проводил за чертежами, свое свободное время он мог проводить с этой мажорной блондинкой (к слову, крашеной).

Но подобные элементарные вещи объяснять Ирине было бессмысленно. Вероятно, в ее подсознании материальное благополучие Дэна Ларсена зиждилось на некоем мифическом наследстве, полученном им от его шведских предков, когда-то занимавшихся коммерцией.

Наследство (а ведь и в самом деле *имелось* наследство) было давным-давно национализировано. Точнее, материальная его часть.

Здравый ум, житейскую смекалку, европейскую практичность и скандинавский темперамент – всего этого у Ларсенов, разумеется, отнять не смогли.

Хотя, конечно, шведская кровь была уже изрядно разбавлена (ни в коем случае не скажем, что *подпорчена*) кровью потомков русской знати.

Если верить бабушке Дэнниса, у них в роду имелись сплошь князья да графья. Дэн, конечно, к этим утверждениям относится с изрядной долей скепсиса. Купцы, помещики – куда ни шло. Бабуля еще потомков царского рода сюда приплела бы...

Но в общем грешно было Дэну жаловаться на судьбу. Вырос он хоть и без матери (та умерла при родах), но в семье благополучной. А мать ему вполне успешно заменила бабушка, чей культурный уровень несколько не уступал уровню ее предков-дворян. Отец Дэнниса занимал руководящий пост, как тогда выражались, «в народном хозяйстве», а конкретнее специализацией его являлось строительство, так что в архитекторы Дэн подался не случайно. И к своим двадцати восьми годам успел заслужить неплохую профессиональную репутацию...

И с личной жизнью у Дэна было все о'кей... до двадцати пяти лет. Поскольку внешне-стью он обладал выигрышной (рост сто восемьдесят семь, косая сажень в плечах, открытое лицо нордического типа), с отказами со стороны девушек он сталкивался редко. Практически не сталкивался.

Первой, кто отказалась сходу ответить ему взаимностью, была двадцатилетняя зелено-глазая брюнетка по имени Марина... чем она, собственно, Дэна и заинтересовала больше прочих хорошеньких девушек.

Осаду сероглазого шведа русского происхождения (впрочем, с тем же успехом и *русского* шведского происхождения) Марина выдерживала стойко... однако, по некоторым признакам человек опытный понял бы без труда, что «сдача крепости» являлась лишь делом времени...

Что, ж. Тем слаще была победа.

Женился Дэннис на Марине в двадцать три года. В течение полутора лет ничто их семейной идиллии не омрачало... а потом Марину начали мучить мигрени. Чем дальше – тем чаще и сильнее.

Медицина оказалась бессильна. Опухоль мозга оказалась *неоперабельной*.

Спустя месяц после того, как свои страшные головные боли Марина начала снимать морфием, все закончилось. Официальной причиной смерти молодой женщины значилась передозировка наркотика... но Дэн был почти стопроцентно уверен, что передозировка эта случайной не была.

Закономерным следствием явилась депрессия. Пару месяцев он не вылезал из запоев, потом приятель и бывший однокашник Дэна предложил ему «уколоться». Ларсен согласился. Ему было все равно. Единственным, чего он тогда хотел – *забыться*.

От укола стало хорошо. По телу разлилось приятное тепло. Дэн задремал и ему приснился чудесный сон. Они вдвоем с Мариной лежали на нескошенном лугу, нежась в лучах июньского солнца. На голову Марины был надет венок из ослепительно белых ромашек. Ее зеленые глаза сияли.

Потом вдруг, откуда ни возьмись, на них налетели грифы-стервятники с отвратительными длинными, лишенными оперения шеями и жуткими искривленными клювами. Этими клювами они начали раздирать красивое лицо Марины, превращая его в окровавленное месиво. Дэну страстно хотелось посворачивать мерзким тварям их длинные голые шеи, но он отчего-то не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Проснулся от собственного крика, в холодном поту.

– Бывает, – спокойно прокомментировал его сон приятель, – С этими глюками никогда не знаешь, как повернется...

Больше подобных рискованных экспериментов Дэн на себе ставить не решался.

Тем не менее, шила в мешке не утаишь. В один далеко не прекрасный день отец узнал о его пьянстве.

– Слабак, – презрительно сказал Ларсен-старший Ларсену-младшему, – Чего ты добиваешься? Билета на тот свет вне очереди? Так ведь все там будем рано или поздно... Думаешь, она тебя ждет в раю с распростертыми объятиями?

– Не считай меня идиотом, – буркнул Дэннис.

– Я тебя перестану считать идиотом лишь после того, как ты перестанешь себя вести как идиот, – спокойно заметил отец.

И Дэн, в конце концов, выбрался из лабиринта, куда стремилась загнать его жизнь.

Ни вино, ни наркотики – ничто так успешно не спасало от депрессии, как работа. Работа, не только требующая умственных затрат, но и призывающая к творчеству (все-таки даром считается, что житейские неурядицы и душевная боль – эффективные стимулы для развития творческих способностей... впрочем, лишь у тех, кто способностями этими обладает изначально).

А спустя полтора года Дэннис сошелся с Ириной и, право слово, не жалел об этом. Несмотря на ее отдельные, типично женские недостатки (хоть и принято считать, что недостатки женщины есть лишь продолжение ее достоинств, от этого они не перестают являться недостатками).

Вообще Дэн заметил некую закономерность – чем девушка красивее, тем, мягко говоря, сложнее ее характер. Иными словами, тем больше у нее капризов.

Хорошенькая Ира не была исключением. Сейчас его отказ поступиться своими интересами повлечет за собой обиду... впрочем, обижаться Ирочка будет недолго. Лишь до тех пор, пока он не загладит «вину» подарком и ласковым обхождением.

Дэн почувствовал легкую досаду. Должна же она, в конце концов, понимать, что это – его *работа*. Деловая встреча с заказчиком – не свидание с красоткой, черт возьми. А клиент был многообещающим. И если Дэннису удастся убедить его в том, что загородный особняк, построенный по проекту Ларсена, станет предметом зависти большинства (если не всех) его партнеров по бизнесу... О, тогда Дэн существенно укрепит свое материальное положение. И сможет, наконец, сменить свою задрипанную «девятку» на что-нибудь более изящное, удобное и *скоростное*.

В это время на экране телевизора мечтатель по имени Дима, криво улыбаясь, пожимал руку ведущему телеигры. Не удалось ему выиграть даже сотой части вожденного «лимона». И вряд ли бедолаге в ближайшем будущем удастся посетить родину своих предков...

* * *

2.

Встреча с заказчиком должна была состояться в кафе. Причем, одном из лучших кафе города. Такие кафе шушера (то бишь, «зеленые» юнцы и алкоголики) не посещают. Высокий уровень цен в некоторой степени компенсировался высоким уровнем обслуживания. Оформлением интерьера сего заведения занимался явно небесталаный дизайнер.

По этой причине в кафе никогда не было много народу, а те, кто сюда все-таки заглядывал, являлись, как правило, людьми солидными, и, чинно сидя за столиками или за стойкой, вполголоса обсуждали деловые вопросы или просто свои проблемы. Никто из посетителей этого заведения не выходил из кафе пьяным. Сюда приходили не для того, чтобы напиться.

Дэннис надел приличествующий случаю темно-серый костюм (не так давно сшитый на заказ), к нему светлую сорочку и галстук. Вообще-то, галстуки он не любил. Предпочитал спортивный стиль – джинсы, водолазки и прочее. Но в данном случае на солидного клиента следовало произвести впечатление *солидного* человека, а не «мальчишки». Неважно, что Дэн по уровню профессионализма легко мог обскакать своих сорокалетних коллег. Люди консервативны. Людям хочется думать, что внешность человека основательного соответствует его внутреннему содержанию.

Итак, придя в кафе, Дэннис выбрал столик у окна и, заказав чашку кофе с парой кусочков сахара, стал наблюдать за входящими. Своего потенциального клиента он знал в лицо. Невысокий, полный, черные живые глаза, обширная лысина, на вид – лет сорок пять – пятьдесят. Иевлев Станислав Сергеевич. Состоит в руководстве крупной торговой фирмы, занимающейся, в основном, импортом продуктов питания.

Как уже упоминалось выше, сей господин мечтал возвести загородный особняк на зависть себе подобным.

Предварительно Дэннис изготовил чертежи и даже эскиз особнячка, хотя, конечно, отдельные детали требовали уточнения. Впрочем, заказчик прежде всего должен был в принципе одобрить его проект.

...Секундная стрелка на часах Дэнниса совершила уже пятнадцать оборотов, но клиент не появлялся. Если учесть то, что Ларсен явился на встречу десятью минутами раньше

назначенного времени, клиент опаздывал уже на пять минут... что, впрочем, было не так уж страшно.

Дэннис заказал вторую чашку кофе. Шустрая стрелочка пробежала еще десять (или даже одиннадцать) кругов.

Иевлева не было.

Что ж, случается, в размеренную жизнь человека вторгаются непредвиденные, так называемые форс-мажорные обстоятельства, но кодекс правил поведения человека цивилизованного требовал в любом случае известить партнера об изменении намеченных планов...

– Простите, у вас свободно? – обратилась к Дэннису девица лет двадцати двух – двадцати пяти, тоже в деловом костюме – длинном жакете и юбке чуть выше колен. Дэннис смерил ее взглядом – от просто и в то же время изысканно уложенных темно-каштановых волос до кончиков изящных, на высоком каблуке, туфель, и... кивнул. Один черт, Иевлев, скорее всего, на встречу не явится. Досадный облом...

Девица опустила на стул (предварительно пристроив на спинке своего стула сумочку на длинном ремешке), перевела дыхание (похоже, она торопилась сюда прийти) и... неожиданно улыбнулась Дэну.

– Бога ради, только не говорите мне, что вы – не Ларсен.

Прекрасно. Значит, заказчик по какой-то причине лично прийти не смог и прислал сюда вместо себя эту непунктуальную особу. Интересно, кто же она? Для жены слишком молода. Дочь? Вряд ли. Между чертами лица Иевлева и чертами лица девушки не было ни малейшего сходства.

Девицу следовало проучить за опоздание. Так, слегка.

Дэннис еле заметно улыбнулся.

– Жаль вас разочаровывать, но...

Улыбка с лица девицы сошла. Моментально. Во взгляде появилась растерянность.

– Простите, я почему-то была уверена, что вы...

В этот момент к столику приблизилась официантка, и, девушка, заказав чашку кофе по-турецки, снова, как показалось Дэннису, с некоторым подозрением посмотрела на него.

– А кто такой этот Ларсен? – сдерживая усмешку, полюбопытствовал Дэн, – Так ли уж он вам необходим?

Девица слегка поморщилась.

– Собственно, мне этот датчанин ни к чему...

– Швед, – машинально поправил Дэн, а в следующую секунду понял, что попался. Как сопливый юнец.

– Швед, датчанин... неважно, – сказала девушка с некоторой досадой (однако, во взгляде ее без труда можно было прочесть насмешку), – Он нужен моему шефу, Иевлеву. Тот, видите ли... – тут она снова улыбнулась. Тонко улыбнулась. – Впрочем, зачем я вам это объясняю? Вы же и сами все прекрасно знаете, Денис...

– Дэннис, – снова автоматически поправил ее Дэннис, – Дэннис, а не Денис.

Девица приподняла брови.

– В таком случае, меня можете называть Энн, хотя на самом деле я Анна.

– Очень приятно, – кивнул Дэннис.

– Мне тоже. Так вот, Станислав Сергеевич просил меня передать извинения за то, что не смог прийти...

– Извинения принимаются, – вздохнул Дэн. Да, скорее всего, облом... А жаль. Он рассчитывал на этот заказ. В конце концов, он *уже* потратил на него силы и время...

– ... с собой?

– Что? – рассеянно переспросил Ларсен.

– Я спросила, с собой ли у вас проект особняка, – повторила Анна, – Собственно, за этим меня Иевлев и прислал. Он хочет взглянуть на то, как будет выглядеть его загородный дом... Вы можете передать для него чертежи?

Значит, не все потеряно?

– Разумеется, – Дэннис извлек из своего кейса папку с чертежами и эскизами.

Пока Анна разглядывала проект дома, Дэннис (стараясь, чтобы это выглядело не слишком откровенным) разглядывал ее. Тонкое лицо, темные волосы, матовая кожа, яркие синие глаза... Подлецу Иевлеву в хорошем вкусе не откажешь – девушка являлась настоящей красавицей.

Обручального кольца на безымянном пальце правой руки она не носила... что, впрочем, не означало, что она одинока. У такой красотки должен был иметься в наличии хотя бы бойфренд.

После того, как Анна, просмотрев эскизы, снова аккуратно сложила их в папку и, сделав, пару глотков кофе, вскинула на Дэнниса свои синие глаза (не глаза, а просто-таки *глазищи*), он осмелился предложить ей поужинать вместе, в любой день, когда ей будет удобно. На немедленное согласие он не рассчитывал... и правильно сделал.

– Мне очень жаль, – мягко сказала Анна (при этом во взгляде ее действительно мелькнуло нечто, похожее на сожаление), – Но вряд ли у меня будет свободное время...

– Мне тоже жаль, – вполне искренне сказал Дэннис, – Но, может, вы все-таки оставите мне номер своего телефона?

Несколько секунд Анна смотрела на него, как Дэннису показалось, изучающе... потом улыбнулась.

– Не сочтите это бестактным... но почему – Дэннис Ларсен? Говорите вы по-русски свободно, без малейшего акцента... Может, и есть в вашей внешности нечто скандинавское, то это кажется мне, скорее всего, потому что у вас скандинавское имя...

– Мои предки были шведами, – пояснил Дэннис, – В прошлом веке занесла их нелегкая в Россию... здесь они корни и пустили.

– Теперь ясно, – кивнула Анна.

– Так как насчет номера телефона? – напомнил Дэн.

Она прищурилась.

– Может, лучше вы к нам? – и снова – обезоруживающая улыбка, – Оставьте мне свою «визитку» и, возможно, как-нибудь дождливым вечером, когда мне будет особенно одиноко, я вам позвоню, чтобы услышать ваш бархатный баритон...

Откровенная насмешка... или все-таки кокетство? Так или иначе Дэннис протянул ей свою «визитку», от руки приписав номер домашнего телефона. Чем черт не шутит?

Анна мило поблагодарила и, забрав папку с чертежами, поднялась из-за стола.

– Приятно было встретиться с вами, Дэннис... Кстати, Иевлев просил передать, что в ближайшее время свяжется с вами лично для того, чтобы обсудить деловую сторону соглашения. До свидания.

– До свидания, – как человек воспитанный, Дэннис тоже привстал из-за стола.

И, лишь проводив взглядом ее тонкую, изящную фигурку, он осознал, что платить за ее кофе придется ему...

Что, впрочем, не вызвало у Дэнниса особого огорчения.

* * *

3.

Войдя в свою квартиру (однокомнатную «хрущевку», перешедшую к ней от бабушки), она первым делом скинула туфли. Чертовы узкие туфли на высоком каблуке. Всякий раз, надевая подобную обувь, она себя ощущала кем-то вроде андерсеновской русалочки, вышедшей

на сушу и за пару стройных ножек вместо хвоста расплывающейся страшной болью в ступнях при каждом шаге.

Сняв туфли, Анна сбросила с себя жакет, затем юбку и, наконец, блузку. Все повесила на «плечики» и убрала в шкаф.

И, наконец, направилась в ванную. Долгожданные минуты блаженства наступили. По спине и плечами забарабанили теплые упругие струи... Анна прикрыла глаза.

...Ясный, немного ироничный взгляд, открытое, мужественное лицо, белозубая улыбка... по-мальчишески озорная. Темно-русые волосы подстрижены очень коротко, но короткая стрижка ему идет. (*«Ты его сразу узнаешь. Этаким современным „викинг“. Мечта любой идиотки. Но ты же у меня не идиотка, верно, кисуля?»*)

«Верно... старая сволочь, – пробормотала Анна себе под нос, – Хотя ты и считаешь меня таковой...»

И вновь заныли одна за другой раны, нанесенные доброй сукой жизнью... и обиды всплыли... как дерьмо в неисправном бачке унитаза.

Дэннис Ларсен... Обаятельный парень, чьи предки имели неосторожность пустить корни в этой непредсказуемой стране...

(*«Несмотря на молодость, его считают одним из лучших специалистов в своем деле. Ну-ну, посмотрим, на что он способен...»*)

«Главное, чтобы он не был способен на то, на что способен ты... скотина», подумала Анна.

Станислав Сергеевич, ее сорокавосемилетний шеф (и любовник) был третьим человеком, кого Анна, представься ей такая возможность, убила бы без сожаления. Даже с удовольствием.

Первым человеком, кого ей хотелось убить, являлась ее мачеха.

...Счастливым свое детство Анечка Волкова могла считать лишь до тех пор, пока не погибла в автокатастрофе ее мама. Мамы не стало спустя месяц после того, как маленькой Ане исполнилось десять лет. Отец вдовцом оставался недолго. Через год после гибели жены он решил связать свою жизнь с ведьмой, превратившей в ад не только существование его дочери, но и его, Волкова, существование.

Бесконечные придирки, в основном по мелочам, неоправданные оскорбления, периодически вспышки ярости... Может, эту, уже немолодую, женщину уязвляло то, что собственных детей она иметь не могла?

Через пару лет после опрометчивой женитьбы на женщине с душой ведьмы отец Ани начал серьезно попивать. Утешение малолетняя Аня находила лишь в доме бабушки. Умной, доброй, все понимающей... но, к сожалению, не способной изменить того кошмара, в который оказались вовлечены ее сын и внучка.

В пятнадцать лет Анна познакомилась с Алексом. Вторым человеком, которого ей сейчас хотелось убить. Причем, убить медленно и с особой жестокостью. Так же, как он в свое время убивал ее душу...

Алекс был на восемь лет старше нее. Алекс был неглуп и хорошо образован. Алекс был мил и обаятелен.

Алекс стал ее первым мужчиной. Алекс стал ее отдушиной. В объятиях Алекса она забывала и о злобной мачехе, и о безвольном пьянице-отце, и о том, что здоровье бабушки стремительно ухудшалось...

Рядом с Алексом она забывала обо всем.

Алекс о ней заботился. Точнее, ей, малолетней дурочке, так казалось. Алекс ее подкармливал (для мужчины он умел готовить очень неплохо), и Алекс же научил ее пить. К семнадцати годам Анна преспокойно могла выпить полбутылки водки и при этом не выглядеть пьяной. «У тебя высокая толерантность», с усмешкой говорил Алекс.

Алекс обучил ее технике секса. Вместе с ней Алекс появлялся в компаниях взрослых парней и девиц. За глаза Анну называли *малолеткой*, но никто ее не обижал. Алекса уважали. Никто не смел посягнуть на его хорошенькую подружку, ибо все прекрасно знали, насколько Алекс мстителен и насколько ревностно он относится к принадлежащим ему вещам. Ни у кого не возникало сомнений, что смазливая *малолетка* тоже являлась *его вещью*.

Одна «малолетка» считала, что Алекс ее искренне любит. Он же был таким нежным и заботливым, и ласковым... как никто другой. На всем белом свете.

В семнадцать лет, за три месяца до выпускного вечера, Анна обнаружила, что беременна. Она была уверена в том, что милый Алекс будет счастлив узнать о том, что станет отцом, и женится на ней. И она окончательно переедет в его однокомнатную холостяцкую «берлогу», и они вместе начнут вить гнездышко...

Услышав потрясающую новость, Алекс действительно выглядел потрясенным. А потом, взяв себя в руки, обнял свою «малышонку» за плечи и, нежно воркуя, объяснил, почему она обязана (просто-таки *обязана!*) сделать аборт.

– Зачем губить свою молодость на корню, зайчишка? Ты девочка способная, тебя ждет учеба в институте... К чему так спешить? Это никуда от нас не уйдет, миленькая... Я все устрою, все закончится очень быстро, ты даже ничего не почувствуешь...

После разговора с Алексом Анна проревела всю ночь, а наутро решила, что, как ни обидно, он все-таки прав...

И Алекс действительно все устроил. От Анны не потребовали обязательного в таких случаях согласия родителей на аборт, который собирается сделать их несовершеннолетняя дочь. Правда, насчет того, что она «ничего не почувствует», Алекс солгал. Впрочем, откуда ему было знать о том, что газ не подействует?..

До сих пор она не могла вспоминать об этом без содрогания...

Но все закончилось, и Алекс, *заботливый* Алекс встретил ее у ворот больничной ограды и позволил ей выплакаться на его плече...

А через два месяца Алекс женился. На своей ровеснице. Она и вполтину не была так же красива, как его «малышонка», но у нее имелся *достаток*, а это, согласитесь, куда важнее смазливенькой (и, признаться, порядком уже надоевшей) рожицы.

Сейчас (даже сейчас!) Анна удивлялась, как ей удалось пережить женитьбу Алекса. Но ей удалось. К тому времени бабушка была уже совсем плоха, но перед смертью успела составить дарственную, и ее квартира перешла к внучке, что вызвало очередной взрыв негодования у мачехи. Папа продолжал попивать. Он был очень добрым, Анин папа, но абсолютно безвольным человеком...

Когда Анне исполнилось восемнадцать, она встретила Сержа. Встретила она его в баре, куда с подругами заскочила вечерком. Серж являлся журналистом местной газетенки, было ему тридцать пять лет, за плечами Серж имел два неудачных брака и малолетнего сына.

Вначале к его ухаживаниям Анна (к тому времени – уже студентка второго курса филфака) отнеслась равнодушно, но Серж был настойчив. К тому же, у Сержа имелись интересные друзья, он познакомил Анну с местной богемой... Художники Анне понравились. Они не являлись пошляками (каковыми являлись почти все друзья Алекса), с ними можно было говорить о «высоких материях»... Конечно, они пили... Но ведь и Анна (спасибо доброму Алексу!) умела пить. И поддерживать беседу.

Через месяц после того, как затащил Анну в свою постель, Серж предложил ей поучаствовать в ежегодном городском конкурсе красоты.

– Ты с ума сошел, – сказала Анна, – Там же модели!

– Ты дашь фору любой модели, – ответил Серж, – Ты просто не знаешь себе цены!

«Чем черт не шутит?» – подумала Анна и... согласилась. Ведь, если ей удастся занять хотя бы третье место, перед ней откроются головокружительные (по словам Сержа) перспективы: приглашения сняться в рекламе, приглашения в модельные агентства... да мало ли что!

– Но вначале я познакомлю тебя со спонсорами, – пообещал Серж и в один прекрасный день повел Анну в сауну.

Помимо жирных, престарелых спонсоров в бассейне резвилось еще несколько претенденток на звание «Мисс мира».

Бежать было поздно... хотя бежать хотелось. Очень.

Вместо этого Анна налегла на горячительные напитки. К началу оргии ей уже море было по колено.

– А мне нравится эта красивая евреечка! – указал на Анну один из спонсоров, владелец сети бензоколонок (внешне – кривоногий боров).

В Анне не было и капли еврейской крови, но доказывать это было, конечно, бессмысленно. «Спасибо, хоть *негритоской* не назвал,» – подумала Анна.

Наутро она чувствовала себя выжатой досуха, оплеванной, поруганной и оскверненной.

Вернувшись в свою квартиру, она осушила полстакана коньяку, взяла лезвие безопасной бритвы и, зажмурившись, несколько раз полоснула с силой по запястью левой руки. После чего упала ничком на диван и вырубилась.

...Очнулась через несколько минут. Левая рука была в крови. Анну заколотила нервная дрожь. Не без содрогания она рассмотрела свое кровоточащее запястье. Порезы были довольно глубокими. В них можно было разглядеть толстые синие вены. Вены задеты не были.

Анна перетянула запястье полотенцем и поплелась в ванную, искать в аптечке йод и бинты.

На следующий день ей позвонил Серж, она обложила его «трехэтажным» матом и бросила трубку.

В течение месяца она не отвечала на телефонные звонки, а вечерами торчала дома у мачехи, ибо старая ведьма все же была не так омерзительна, как сутенер Серж.

В двадцать лет у Анны прямо на лекции случился острый приступ аппендицита, и из университета ее на «скорой» увезли напрямиком на операционный стол.

Ее лечащего врача звали Мишей. Он был женат, имел ребенка. Красотой отнюдь не блистал. Но он влюбился в Анну по-настоящему, и она это почувствовала. Женщины всегда чувствуют такие вещи.

Через два месяца умер отец. От сердечного приступа. Анна ощутила себя *абсолютно*, чудовищно одинокой в этом мире... А Миша продолжал ей звонить, приходить в гости, часто с цветами (Анна подозревала, что это цветы от благодарных пациентов, ибо не такой высокой была Мишина зарплата, чтобы он мог позволить себе покупать на нее цветы).

Миша уже поговаривал о том, что стоит ей лишь дать согласие стать его женой, он тут же, немедленно (!) разведется с супругой... И Анна действительно начала подумывать, что, возможно, у них с Мишей что-то и получится...

Но однажды вечером к ней явилась Мишина жена с ребенком. Удивительно, но она не устраивала истерик. Она просто *смотрела* на Анну, худенькая, невзрачная женщина, просто тихо говорила о том, как счастливо они с Мишей жили до ее, Анны, появления... а теперь ее сын лишится отца («А мальчик-то в чем виноват?»)

Анне стало тошно.

– Оставьте меня в покое, – сказала она Мишиной жене, – И вы, и ваш муж. Решайте свои проблемы *между собой*.

Когда Миша явился к ней в очередной раз, она попросту не пустила его на порог.

* * *

Пока Анна училась в университете, мачеха худо-бедно ее содержала, но после того, как она получила диплом, мачеха заявила, что «недостаточно богата, чтобы продолжать держать на своей шее нахлебницу». Впрочем, Анна сама меньше всего желала оставаться ее «нахлебницей»...

Она устроилась в школу преподавательницей русского языка и литературы. Высокие нагрузки плюс мизерная зарплата. Однажды подруга Анны, заскочив к ней вечерком в гости, вскользь заметила, что надо быть круглой душой, чтобы, имея внешность фотомодели, прозябать в нищете.

– Что же ты предлагаешь? – с досадой сказала Анна, – На панель мне идти? Ну уж нет, уволь.

– Зачем так сразу – на панель? – возразила подруга, – Иди хотя бы в секретарши. Внешность у тебя подходящая... образование есть. И нервы побережешь, и материальное положение укрепишь... если, конечно, устроишься в *солидную* контору.

И Анна устроилась. В солидную контору. А шефом ее стал приближающийся к пятидесятилетнему рубежу Станислав Сергеевич Иевлев.

Первые три месяца все шло как по маслу. Работой Анна особенно загружена не была, а зарплата являлась вдвое выше учительской.

Однако, спустя три месяца, после банкета по случаю очередной презентации, Станислав Сергеевич этак ненавязчиво предложил Анне довести ее до дома на своей служебной машине. Анна вежливо отказалась. Тогда Станислав Сергеевич приблизился к ней почти вплотную, приподнял ее лицо за подбородок и, выдыхая винные пары, прошипел:

– Поедешь, сучонка. Ты *поедешь* со мной и сделаешь *все*, о чем я тебя попрошу. Иначе не видать тебе не только этого, но и вообще *никакого* места в нашем городе. Думаешь, мне не известно, как ты резвилась в свое время в саунах?

И Анна поехала. И сделала все, о чем Иевлев ее попросил.

А на следующий день Станислав Сергеевич издал приказ, согласно которому зарплата Анны повышалась вдвое.

С тех пор визиты Иевлева стали регулярными. Он приезжал к Анне, как к себе домой. Периодически бритоголовые «бычки» доставляли ей коробки с продуктами и винами. Теперь она обязана была готовиться к Иевлевским визитам. И готовилась.

Анна смирилась.

А за свое смирение получала хорошую плату.

– Купи себе обновку, – говорил Иевлев, кладя на стол Анны пухлый конверт, – Что-нибудь... сексуальное.

Через полгода после того, как Иевлев впервые переспал со своей секретаршей, он повел ее в дорогой ресторан.

– Я к тебе привязался, кисуля, – растроганно заявил Станислав Сергеевич после того, как они выпили *по второй*, – Конечно, со своей *коровой* я не разведусь никогда, на это можешь не рассчитывать, но жизнь я твою *улучшу*. Настолько, что тебя уже не потянет на других кобелей. Ведь от добра добра не ищут, верно, кисуля?

После этих его слов Анна и поняла, насколько сильно ей хочется его... убить.

Она ослепительно улыбнулась и, потянувшись к Иевлеву, запечатлела на его жирной, дряблой щеке смачный поцелуй.

– Мне *очень* повезло, что я встретила тебя, Стас, – проворковала Анна, – Ты даже не представляешь себе, как мне повезло.

Иевлев обнажил в улыбке (точнее, ухмылке) импортные коронки.

– Отчего же представляю? Я это очень хорошо *представляю*, лапуля...

Через неделю он попросил Анну поприсутствовать на деловом ужине с одним из партнеров Иевлева по бизнесу.

– Будь с ним... поласковее, кисуля, – предупредил Иевлев, и Анна была ласкова с шестидесятилетним стариком... насколько это возможно.

С тех пор Иевлев регулярно просил ее присутствовать на неофициальных переговорах.

* * *

Закончив принимать душ, Анна не спеша вытерлась махровым полотенцем и, набросив на себя атласный халатик, прошла на кухню. Из кухонного шкафчика достала початую бутылку коньяка, плеснула немного янтарного цвета жидкости в стакан из тонкого стекла, выпила...

«Дэннис... не Денис, а Дэннис...»

«Может, мы вместе поужинаем... когда вам будет удобно?»

Открытая улыбка, ясные серые глаза...

Дэннис Ларсен.

Да что она себе возомнила, двадцатипятилетняя содержанка, прошедшая *огни и воды*? На что она может рассчитывать?

Даже если этот Дэннис ее не раскусит (а он раскусит и быстро), то Иевлев учует неладное... А *на что* способен Иевлев, ей хорошо известно. Так что... забыть надо о сероглазом архитекторе шведского происхождения, и чем быстрее, тем лучше. Все равно не проглотить ей этот «кусочек». Как любил выражаться Алекс, *«Кухарка, знай свое место!»*

Алекс... С него началось ее падение. И продолжается до сих пор. А дальше? Дальше будет хуже... Красота станет увядать, и Иевлев найдет ей замену – такую же нищую, но смазливую дуру, готовую на все, чтобы вылезти из нищеты...

Неужели она настолько *не уважает* себя, что позволит событиям развиваться именно по *этому* сценарию?

Анна достала из сумки «визитку» Ларсена, повертела в пальцах...

Ну да, он хорош собой, обаятелен, судя по всему, неглуп... а дальше?

Он же наверняка бабник. И к тому же, скорее всего женат. И...

Зелен виноград, одним словом. Надо позвонить Иевлеву, отчитаться о встрече с архитектором.

От добра добра не ищут.

* * *

4.

Дэннис жарил рыбу, когда зазвонил телефон. Матвей, сидя на подоконнике, строго следил за приготовлением пищи своими ярко-желтыми глазами. Надо будет подкинуть ему кусочек, предварительно отделив жареную корочку. Хотя свою порцию вареной рыбки Матвей уже получил. И аккуратно слопал. А жареную пищу котам давать не рекомендуется. Впрочем, по словам ветеринара, сырую тоже.

Матвей являлся гурманом. Любил нежную курятинку, рыбешкой не брезговал... Кошачьи консервы презирал. Все-таки иногда Дэннис (когда ему было некогда готовить или просто лень) давал своему питомцу «Вискас». Питомец всем своим видом выражал недовольство – подолгу обнюхивал миску, даже презрительно отворачивался... но (голод не тетка!) в конце концов съедал мерзкий суррогат (после чего долго дулся на хозяина).

Вообще Дэннис до появления Матвея и мысли не держал о том, чтобы завести кота. Собаку – еще куда ни шло. Но – кота? В современном мегаполисе от котов никакой пользы. Эстетика? Тоже сомнительно.

Среди друзей Дэнниса также не было идиотов, способных подарить зверушку тому, кто вовсе не горел желанием заводить в своей квартире живность.

Матвей пришел к нему сам.

Два года назад (кажется, была середина октября) Дэннис, сидя за чертежами, услышал некий посторонний звук. Точнее, звуки. И далеко не самые приятные. Звуки доносились из-за двери.

Выйдя на лестничную площадку, Дэннис увидел маленькое, грязное, донельзя жалкое существо, непрерывно мяукающее. Существо тарщило желтоватые глаза, и его хвост мелко подрагивал.

Дэннис вынес бедолаге кусочек вареной колбасы, на который тот набросился с такой жадностью, что Дэн даже испугался, как бы котенок не подавился... Но нет. Не подавился. Проглотил колбасу в один присест... и снова вопросительно посмотрел на человеческое существо (довольно больших размеров).

– И не надейся, – сказал Дэннис, – Не пушу.

Захлопнув дверь, он еще несколько секунд постоял, прислушиваясь... противного мяуканья больше не было, и Дэннис забыл о звере... до утра.

Утром, выходя из квартиры, первым, кого он увидел, был маленький серый комочек, дремлющий на *его* коврике, у *его* двери.

Дэннис нагнулся и осторожно, двумя пальцами взял котенка за загривок. Разумеется, такое пренебрежительное отношение дальнему сородичу тигров, львов и пантер не понравилось, и он снова омерзительно мяукнул.

Дэн понес его на улицу... но на улице хлестал сильнейший дождь, просто-таки ливень...

– Черт с тобой, – буркнул Дэннис, – Поедем... к ветеринару.

... -Мальчик, – деловито сказал ветеринар, полнеющий мужчина лет сорока, осматривая котенка, – Надо же, и блох нет... Чистокровный «сибиряк», – вскинул на Дэнниса глаза. Судя по красным прожилкам на белках, ветеринар явно частенько закладывал за воротник, – А вам его за перса, конечно, продали?

– Мне никто его не продавал, – сказал Дэннис, – Сам пришел. Может, заблудился.

Ветеринар хмыкнул.

– Заблудился? Вряд ли. Скорее, его вам подкинули. Кстати, если вам кот не нужен, я могу его пристроить... Моя племянница давно мечтает...

– Я подумаю, – сказал Дэннис и, получив от ветеринара несколько ценных советов по уходу за зверем, выложил за визит к «Айболиту» кругленькую сумму.

– Ладно, – решил Дэн, сунув котенка за пазуху и садясь за руль своей «девятки», – Может, и сгодишься на что... бродяга.

Он посадил бродягу на пассажирское место, а, подъехав к дому, обнаружил, что котенок *уже* «сгодился». На пассажирском сиденье красовалось пятно кошачьей мочи.

Впрочем, подобные конфузы продолжались недолго. Сообразительный зверь быстро приучился ходить в песочек, а, повзрослев, уже справлял нужду непосредственно в унитаз... вот только воду за собой спускать пока не умел.

Вообще, Матвея можно было бы назвать *интеллигентным* котом. С выраженным чувством собственного достоинства. Настроение хозяина он чувствовал тонко. Прекрасно знал, когда можно вскочить к нему на колени и помурлыкать, а когда лучше не приставать к благодетелю.

Со временем Матвей превратился в настоящего кошачьего красавца, вызывающего неизменный восторг у особей женского пола, появлявшихся в квартире хозяина.

«Какой милый котик, – мурлыкали особи женского пола, норовя запустить пальчики в роскошную шерсть «сибиряка». Матвей к женским ласкам относился спокойно, но прохладно. Лишних фамиллярностей никому не позволял.

В прошлом году, по весне, Матвей, повинуясь зову плоти, ушел из дома. Носила его нелегкая где-то пару недель, и за это время Дэннис осознал, насколько он все же привязался к коту... Вообще, домашние животные обладают уникальной способностью *привязываться* к себе хозяев... видимо, потому что в отличие от людей, не плюют в души тем, кто их кормит.

Дэннис уже решил, что с Матвеем произошел несчастный случай, скорее всего, под машину попал, бедолага... но однажды дождливым вечером под дверью раздалось знакомое мяуканье... Грязный и исхудавший кот явился «с повинной».

Дэннис отмыл кошачьего «казанову» противоблошиным шампунем, и через неделю Матвей уже не отличался от себя прежнего – уютного, пушистого, домашнего.

...Услышав телефонную трель, Матвей издал сердитое «М-ря». Дэннис убрал огонь под сковородкой до минимума и поднял трубку стоящего в прихожей аппарата.

– Господин Ларсен? – услышал он мягкий, чуть глуховатый (и, похоже, немного ироничный) голос, показавшийся ему знакомым. Впрочем, он понял, кто это, еще до того, как Анна себя назвала.

Конечно, поначалу Дэннис решил, что ее звонок связан с Иевлевским заказом. Хотя Иевлев мог бы и сам позвонить...

– Я вас не отвлекаю от важных дел? – поинтересовалась Анна (при этом в голосе проскользнула неуверенность).

– Ничуть, – заверил ее Дэннис.

Пару секунд она молчала.

– Собственно, я хотела перед вами извиниться, – сказала она наконец, – Я ушла, не заплатив за свой кофе...

– Это не страшно, – сказал Дэн, – Я вам пришлю счет. По почте.

Снова пауза. Шутка явно не удалась. Не дай Бог, она бросит трубку...

– Я шучу, – сказал Дэннис и услышал короткий смешок.

– Я поняла... просто не нашла достойного ответа.

– Пожалуйста, не кладите трубку, – попросил Дэн, – Я должен отойти на пару секунд... иначе рискую остаться без ужина.

– Конечно, – по ее голосу он решил, что Анна улыбается.

Выключив конфорку и прикрыв сковородку крышкой, он снова вернулся к телефону.

– Я отдала шефу ваш проект, – сказала Анна, – Он еще не связывался с вами?

– Еще нет... («Ну же, Ларсен, решайся, на ловца и зверь бежит...») А как насчет моего предложения поужинать вместе... где-нибудь в уютном местечке?

Опять секундное молчание.

– Вообще-то, я не люблю рестораны, – наконец сказала Анна, – А ужинать предпочитаю дома.

Ну, разумеется. Банальное приглашение в кабак явно для нее дело привычное.

– Ну, тогда давайте просто встретимся, – сказал Дэн, – Когда вам будет удобно.

Очередная пауза. Обдумывает его слова?

– В субботу я хотела поехать за город, – наконец, не слишком уверенно сказала Анна, – Если не будет дождя...

* * *

Договорились встретиться на вокзале. Точнее, на платформе, куда прибывают пригородные электрички.

Явившись на десять минут раньше назначенного времени, Дэннис уже приготовился ждать... но тут стоящая к нему спиной на платформе пигалица в узких джинсах и спортивной куртке, с распущенными по плечам темно-каштановыми волосами, обернулась... и он невольно удивился способности женщин к *перевоплощению*.

Если при первой встрече Анне на вид можно было дать года двадцать четыре, то сейчас она выглядела не старше двадцати лет. Но при этом не стала менее хорошенькой. И не просто хорошенькой... а чертовски сексапильной.

Они одновременно сказали друг другу «Привет» и одновременно рассмеялись. В поход Дэннис тоже надел привычные джинсы, свитер и куртку. Через плечо перекинул спортивную сумку. Анна поинтересовалась, зачем ему сумка, и он ответил, что там бутерброды, раз уж они едут на природу. Она снова засмеялась и заявила, что тоже захватила с собой бутерброды и кофе. «Должна же я, в свою очередь, угостить вас кофе?»

В электричке Анна объяснила Дэннису, что выезд на природу по весне – своего рода семейная традиция.

– Когда был жив папа, мы обязательно выбирали время, чтобы поехать за город и пару часов побродить по роще... Весна – в некотором роде таинство, вы согласны? Волшебство, к которому все давно привыкли, не перестает от этого быть волшебством...

Волшебство? Быть может. Вряд ли ему пришло бы в голову ехать за город для того, чтобы просто бродить среди деревьев, наблюдая за набухающими почками, если б его не пригласила с собой хорошенькая девушка... Так же и Матвей не ушел бы из уютной квартирки, чтобы лазить по помойкам и подвалам, если б не желание заняться любовью с какой-нибудь симпатичной кошечкой... И в том, и в другом случае виной всему гормоны. Пресловутый тестостерон.

Впрочем, некое таинство в природе все же присутствовало. На пригорке, среди пожелтевшей и пожухлой прошлогодней травы возникли островки нежно-голубых, с оттенком лилового подснежников.

– Печеночница, – объяснила Анна, – Занесена в Красную Книгу, – и добавила с усмешкой, – За сорванный цветочек – штраф...

– Может, все же сорвем? – предложил Дэн.

Она пожала плечами.

– А какой смысл? Этот букет к вечеру увянет... А любители оборвать эту красоту и без нас найдутся. Давайте лучше перекусим...

– И перейдем на «ты», – добавил Дэннис.

Она улыбнулась, как маленькая девочка.

– Почему нет?

Они нашли толстое поваленное дерево, (Дэннис расстелил на нем свою куртку), достали бутерброды и термос с кофе.

– Можно задать тебе бестактный вопрос? – обратилась Анна к Ларсену после того, как они немного перекусили.

– Смотря, *насколько* бестактный, – улыбнулся Дэннис.

– Почему ты неженат? Или являешься убежденным холостяком?

Да. Вопрос «на миллион долларов». Меньше всего он сейчас хотел говорить на эту тему... но, пожалуй, лучше сразу расставить точки над *i*. Чтобы больше к этому не возвращаться.

– Я был женат, – сказал Дэннис, – Моя жена умерла три года назад.

– Прости, – Анна выглядела слегка обескураженной, – Вопрос действительно *не в меру* бестактный... впрочем, – она коротко вздохнула. – Ты тоже имеешь право бестактно поинтересоваться, почему я до двадцати пяти не вышла замуж...

Значит, ей все-таки двадцать пять? Похвальная откровенность. Впрочем, двадцать пять – не тридцать пять. Вряд ли тридцатипятилетняя женщина сможет так же просто, без тени кокетства, сообщить о своем возрасте мужчине, который ее интересует. Интересует? В какой степени, вот вопрос.

– Вероятно, не потому, что тебе этого не предлагали, – дипломатично ответил Дэннис. Анна усмехнулась.

– Было дело... но единственный человек, за которого я хотела выйти замуж, мне было тогда семнадцать, женился на другой.

– Может, этот человек просто не принимал всерьез семнадцатилетнюю девочку?

Анна пожала плечами.

– Кукол тоже никто не принимает всерьез... однако, с ними играют, а зачастую и ломают.

Отвернувшись, она посмотрела на часы. Наверняка не потому, что ей вдруг срочно понадобилось узнать, который час.

Дэннис взял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал в губы. Поначалу она напряглась, он даже ощутил слабое сопротивление... а потом ответила на его поцелуй, тонкие руки неуверенно обвились его шее.

Неожиданно Дэннис ощутил дикое, просто-таки животное возбуждение. Если б дело происходило не в сыром лесу в середине апреля, а у него на квартире или хотя бы на заднем сиденье его «девятки»...

Она отстранилась первой. Он заглянул ей в глаза и поразился их синеве.словно ее глаза вобрали в себя цвет неба. Он подумал, что непременно нарисовал бы ее портрет, если б обладал талантом художника.

* * *

...Перед тем, как Анна с букетом ярко-красных тюльпанов в руке (цветы он, конечно, купил для нее, когда они вернулись в город) собралась сесть в такси, Дэннис придержал дверцу.

– Ты так и не назвала номер своего телефона...

Она мягко улыбнулась.

– Я сама тебе позвоню на будущей неделе, хорошо?

– Хорошо, – кивнул Дэн («*Не будь идиотом, Ларсен. Тебе ведь известно место работы Иевлева. Выяснить телефончик его секретарши труда не составит... а заодно и ее фамилию. Так что инкогнито вам, синеглазая незнакомка, оставаться недолго...*»)

— Счастливо, Дэн.

– Счастливо, – он улыбнулся в ответ, дверца такси захлопнулась, машина тронулась с места.

Дэннис направился к троллейбусной остановке. Европейская практичность не позволяла ему бездумно швырять деньги на такси, когда существуют более дешевые виды транспорта.

«А у скромной секретарши, значит, средств достаточно, чтобы она могла позволить себе такси? Впрочем, если зарплата секретаря зависит от внешних данных...» Эта мысль была неприятной, и Дэннис ее от себя очень быстро отогнал. Вначале внешние данные, а от них (плавно) к вопросу о том, что входит в обязанности секретаря...

К черту. О некоторых вещах лучше не знать, и можно сделать вид, что некоторых проблем попросту не существует...

Подойдя к двери своей квартиры, он услышал телефонный звонок. Первой явилась мысль об Анне... хотя, конечно, такое предположение было абсурдным.

Разумеется, это была не Анна. Это была Ирина.

Неожиданно для себя самого он вдруг осознал, что *не хочет* ее видеть. Что ему порядком надоели ее капризы и жеманные манеры и... решительно все, связанное с ней.

– У меня сейчас запарка, – сказал (точнее, *солгал*) Дэннис, – Сразу несколько заказов и все срочные. Даже не представляю, когда освобожусь.

На другом конце провода повисло тяжелое молчание.

– Ну, когда освободишься, позвони, – не холодным, а просто-таки ледяным тоном сказала Ирина, – Правда, не уверена, что я не буду занята.

«И слава Богу, – мысленно ответил Дэннис, – Занимайся, чем угодно... только меня оставь в покое.»

«Не комильфо», прокомментировала бы его поведение бабушка, впрочем, особых угрызений совести Дэн не испытывал. Такие девушки, как Ирина, в одиночестве остаются недолго... если вообще остаются. Ирочка быстро подыщет ему замену – мальчика-мажора, себе по стать.

И, в конце концов, Ирине никогда не пришло бы в голову отказаться от приглашения в ресторан и ехать в весеннюю рощу в поисках *таинства*... *Уж не влюбился ли ты, Ларсен?*

Ерунда. Конечно, нет. Просто синеглазая девушка его... заинтересовала. Можно сказать, даже заинтриговала...

«И только-то?» – раздался в мозгу Дэна насмешливый голос бабушки...

* * *

6.

Гуляя с ним по весенней роще, любуясь проклевывающейся из земли травкой и золотистыми веснушками мать-и-мачехи, и покрывающимися желтой пылью мохнатыми цветами вербы (в северных краях верба первой реагирует на наступление весны), и рассеянно вслушиваясь в его болтовню, она то и дело ловила себя на желании остановиться, повернуться к нему лицом и сказать: «Не пей, Иванушка, из этой лужицы, оставь, милый, не пей... отравишься.»

Но «Иванушке» хотелось испить именно этой «водицы».

(-Парень не слишком умен, – презрительно скривил губы Иевлев, рассматривая проект и эскизы своего будущего особняка, – Отдал чертежи... Я же запросто могу ими теперь воспользоваться, при этом не заплатив ему ни гроша!

– Почему бы так и не сделать? – лениво поинтересовалась Анна. На самом деле ей хотелось впиться ногтями в жирные щеки Станислава Сергеевича. Так, чтобы выступила кровь. Разодрать ему губы. Выдрать остатки его шевелюры... и напоследок носком туфли врезать прямо между кривых, волосатых ног.

Но она усмехнулась и поинтересовалась, почему же он не обманул доверчивого шведа. Доверчивого... потому, что парню просто в силу *порядочности* не пришло подобное в голову. Не в силу глупости, а в силу порядочности...

Иевлев ухмыльнулся. Он всегда ухмылялся. Применительно к этой гримасе как нельзя более точно подходило определение «ухмылка». Не усмешка, а ухмылка. Грязная, причем.

– Он тебе не понравился, лапуля?

Анна фыркнула. Если ее и научила чему-то жизнь, так быть хорошей актрисой. А, может, она талантом этим обладала изначально... Порой ее спрашивали, отчего она со своими внешними данными не подалась в артистки. «Оттого же, отчего не подалась и на конкурс красоты», отвечала она. Тем упрямам, которые хотели знать, почему она не принимала участия ни в одном конкурсе красоты (с ее-то внешними данными!), Анна отвечала, что смотр племенных кобылиц (где она одна из кобыл) ее не привлекает. На деле причина была в другом... но об этом Анна предпочитала не распространяться.

– Не люблю мажорных мальчиков, – сказала Анна Иевлеву, – Не люблю самодовольных самцов. И потом, – она сделала паузу, – Он заставил меня заплатить за кофе. Представляешь?

Я хотела уйти, не заплатив, а он остановил меня и сказал: «Почему вы не заплатили за кофе, девушка? Я, что ли, должен за вас платить?»

Иевлев расхохотался. До слез.

Анна тоже улыбалась. Смотрела на него, улыбалась и думала, как же она его ненавидит... Ненавидит до кончиков ногтей.

Это он самодовольный старый козел, а не Ларсен. Он жирное дерьмо, обросшее волосами как обезьяна. Волосатыми были не только грудь и живот Иевлева (не говоря уж о ногах), но и спина! Даже спина обросла толстыми черными волосками!

А то, как он пах? Точнее, *как* от него пахло? Казалось, он выливал на себя каждый раз чуть ли не полфлакона одеколона! Зачем? Чтобы отбить козлиную вонь?

А его слюнявые красные губы? А его мерзкие пальцы? А его...

...Анна перевела дыхание. Надо взять себя в руки. *Пока* у нее нет другого выхода. Пока ей приходится его терпеть.

Пока.

– Почему я этого не сделал? – задумчиво переспросил Иевлев, – Я не мелкий мошенник, вот почему. Мне дорога моя репутация. («Репутация *крупного* мошенника», мысленно заметила Анна) И потом... мне нравится его проект. Поэтому он будет на меня работать. («*На себя*, – мысленно уточнила Анна, — *Такие как Дэн работают на себя... а не на толстых, старых, похотливых козлов*».)

* * *

Вернувшись с прогулки, Анна решила заняться стиркой. По выходным Иевлев ей не докучал. Как правило. По выходным Иевлев изображал примерного семьянина. Двое детей Иевлева учились в университетах. Причем, старший сын проходил обучение в Европе. Супругу Иевлева Анна видела. Неоднократно. Определение «корова» ей удачно подходило. Корова в дорогих шмотках, увешанная золотом. Даже лучшая импортная косметика не способна была сделать физиономию «коровы» привлекательной. От такой супруги ходить *налево* сам Бог велел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.